

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.21>

Серебренников Сергей Владимирович

**КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА СРЕДИ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИХ ТВОРЧЕСТВО
В ЛАГЕРЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)**

В статье впервые в исторической науке освещается отечественная историография культурно-массовой работы среди японских военнопленных и их творчества в лагерях НКВД-МВД СССР. Автором проанализированы публикации российских исследователей конца XX - начала XXI века, в которых рассматриваются формы, направления, особенности и результаты культурно-массовой работы среди пленных Квантунской армии и их творческая деятельность во время пребывания на территории Советского Союза. В результате историографического анализа проблемы автором выявлены достижения и недостатки процесса ее изучения, сформулированы перспективные направления дальнейших исследований.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/11/21.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 11. С. 113-119. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/11/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Historiography, Source Study and Historical Research Methods

УДК 93/94
<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.11.21>

Дата поступления рукописи: 13.09.2019

В статье впервые в исторической науке освещается отечественная историография культурно-массовой работы среди японских военнопленных и их творчества в лагерях НКВД-МВД СССР. Автор проанализированы публикации российских исследователей конца XX – начала XXI века, в которых рассматриваются формы, направления, особенности и результаты культурно-массовой работы среди пленных Квантунской армии и их творческая деятельность во время пребывания на территории Советского Союза. В результате историографического анализа проблемы автором выявлены достижения и недостатки процесса ее изучения, сформулированы перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова и фразы: Квантунская армия; японские военнопленные; лагеря НКВД-МВД; ГУПВИ; культурно-массовая работа; политическая работа; досуг военнопленных; лагерное творчество; публикации; историография.

Серебренников Сергей Владимирович, к.и.н.
г. Кемерово
Serebrennikov_S@list.ru

КУЛЬТУРНО-МАССОВАЯ РАБОТА СРЕДИ ЯПОНСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ИХ ТВОРЧЕСТВО В ЛАГЕРЯХ НА ТЕРРИТОРИИ СССР (ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ)

Одним из результатов советско-японской войны 1945 года было пленение большей части Квантунской армии и перемещение в СССР, по разным оценкам, от 540 до 610 тыс. бывших японских военнослужащих [21, с. 580].

Воссоздание достоверной картины пребывания японских военнопленных в Советском Союзе предполагает детальное рассмотрение, помимо других вопросов, культурно-массовой работы среди них в лагерях на территории СССР и их творчества в плену. Без изучения этих вопросов история пребывания в советском плену бывших военнослужащих японской армии будет неполной. **Актуальность** исследования определяется значимостью антропологического подхода в современной исторической науке, важностью обращения к проблеме социокультурного поведения человека в условиях военного плена.

Цель статьи заключается в анализе процесса изучения рассматриваемой темы в отечественной историографии, выявлении достижений и недостатков, определении перспективных направлений дальнейшего развития проблематики исследований.

Известный австрийский историк С. Карнер в своем исследовании «Архипелаг ГУПВИ» (ГУПВИ – Главное управление по делам военнопленных и интернированных. – С. С.) отмечал: «...к основополагающим моментам коммунистической идеологии относится и перевоспитание человека с помощью “культуры”» [15, с. 123]. Закономерно, что «решение проблемы формирования “нового человека” в условиях лагеря подкреплялось культурно-массовой работой» [26, с. 341].

Культурно-массовая работа, развернутая в лагерях японских военнопленных на территории СССР, нашла отражение в трудах отечественных историков: диссертациях, монографиях, научных статьях. Однако отечественная историография культурно-массовой работы среди японских военнопленных и их творчества в лагерях НКВД-МВД СССР (1945-1956 гг.) до сих пор не получила своего освещения. Данное упущение исправляет предлагаемая статья, что и определяет ее **научную новизну**.

Одним из первых приступил к изучению вопросов пребывания японских военнопленных на территории СССР военный юрист В. П. Галицкий. Он в 1990 г. первым опубликовал сведения, касающиеся организации

в лагерях НКВД-МВД СССР культурно-массовой работы среди бывших военнослужащих японской армии и их творчества в плену [4; 12]. В. П. Галицкий подчеркивал, что культурно-массовая работа среди японских военнопленных в советских лагерях организовывалась «в соответствии с требованиями международного права» [4, с. 118]. При этом он отмечал, что «подбор фильмов, литературы в библиотеках, выпуск стенных и печатных газет (для японских пленных. – С. С.) “были подчинены пропаганде самого прогрессивного, справедливого, демократического строя”» [12, с. 38]. Обращался к данной теме В. П. Галицкий и позже [5; 6], неизменно подчеркивая, что советские власти стремились расширить и углубить культурно-массовую работу среди японцев в лагерях.

На региональном уровне первым вопросы культурно-массовой работы среди японских военнопленных и их творчества стал изучать иркутский историк С. И. Кузнецов. В 1994 году он издал учебное пособие [22], в котором впервые в отечественной историографии осветил ряд аспектов культурно-массовой работы в «японских» сибирских лагерях и «смешанном» тамбовском лагере, уделив большое внимание музыкальному и прикладному творчеству японских военнопленных [Там же, с. 93-98]. Автор разграничил и – более того – противопоставил официальные формы культурно-массовой работы среди пленных и их «истинное творчество», подчеркнув, что японские пленные, находившиеся «в гнетущей обстановке лагеря», переживавшие «тоску по родине и близким», стремились «уйти от действительности, забыться хотя бы на короткий миг» и «довольно охотно принимали участие в кружках самодеятельности». Причем пленные охотно участвовали в таких формах культурно-массовой работы, которые не были «чрезмерно идеологизированы» [Там же, с. 93].

Большое внимание С. И. Кузнецов уделил тем японским пленным, которые в 1960-1970-е годы стали известными художниками, музыкантами, скульпторами; их творчество начиналось в советских лагерях. Историк выявил целый ряд таких пленных. Он также привел информацию о том, что в июне 1988 года в Токио в культурном центре в районе Синдзюку в течение 10 дней работала выставка «Творчество военнопленных в Сибири», на которой было выставлено около 170 полотен 42 художников [Там же, с. 94-97].

В том же 1994 г. состоялась защита С. И. Кузнецовым докторской диссертации «Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945-1956 гг.)», в которой были раскрыты различные аспекты творчества японских военнопленных и особенности организации культурно-массовой работы в лагерях НКВД-МВД СССР [24].

Во второй половине 1990-х гг. вышли в свет монографии С. И. Кузнецова и О. Д. Базарова [2; 25], посвященные различным вопросам пребывания японских военнопленных на территории СССР. В них освещались также вопросы культурно-массовой работы среди японских военнопленных в сибирских и дальневосточных лагерях и их лагерное творчество.

В монографии С. И. Кузнецова вновь были строго разграничены культурно-массовая работа среди пленных, организаторами которой были политработники, лагерная администрация, и «истинное творчество» японских военнопленных. Автор подчеркнул, что последнее не имело ничего общего с идеологическими установками МВД [25, с. 61].

В то же время историк говорит о расширяющихся возможностях для проведения культурно-массовой работы в сибирских лагерях и усилении внимания администрации лагерей к данной работе среди военнопленных. Он сообщил, что с 1947 года в лагерях для японских пленных регулярно издавались стенные газеты, работали клубы, киноаппаратные, радиоузлы, библиотеки. Одновременно с этим набирала обороты художественная самодеятельность военнопленных. В свободное от работы время они своими силами ставили спектакли по произведениям советских и японских писателей и драматургов. А некоторые спектакли были поставлены по пьесам, написанным самими пленными [Там же, с. 60].

В разделе «Лагерное творчество» С. И. Кузнецов освещает «истинное творчество» военнопленных: музыкальное и прикладное (изготовление поделок из дерева, камня, кости) [Там же, с. 120-126].

Много внимания автор уделил выявлению сведений о пребывании в сибирских лагерях тех японских пленных, которые после возвращения на родину стали известными художниками, скульпторами, писателями, учеными, и опубликовал эти данные в монографии.

Историк из Улан-Удэ О. Д. Базаров в своей монографии кратко осветил организацию культурно-массовой работы среди японских военнопленных, размещенных в 1945-1948 годах в Бурят-Монгольской АССР, и их лагерное творчество. Автор указал, что в клубах, организованных в лагерях на территории республики, функционировали киноаппаратные, радиоузлы и библиотеки. В свободное время военнопленные своими силами ставили спектакли по пьесам и советских писателей и драматургов, и японских. «При многих крупных лаготделениях лагерей... были созданы ансамбли, основным занятием которых являлись выступления перед спецконтингентом», – отметил историк [2, с. 68]. О. Д. Базаров подчеркнул, что художественная самодеятельность и спортивные мероприятия пользовались широким успехом среди японцев «как наименее идеологизированные» [Там же].

Обращает на себя внимание и статья О. Д. Базарова, опубликованная в 1998 году [1]. В этой статье, также посвященной японским военнопленным, размещенным в Бурятии, большой интерес представляет информация о популярном самодеятельном ансамбле японских военнопленных «За новую жизнь», созданном при лагере № 6. Историк указал, что репертуар ансамбля был идеологически выдержан. «Однако, – заметил историк, – советской администрации не всегда удавалось удерживать в узких рамках ведомственных инструкций творчество военнопленных. Так, в ряде случаев, особенно в “лесных зонах”, пленные на концертах пели японские песни “боевого характера”» [Там же, с. 159]. О. Д. Базаров отметил, что, как правило, такие действия

оставались без последствий, так как «отсутствие советских переводчиков не позволяло с достаточной уверенностью инкриминировать исполнителям антисоветчину и милитаризм» [Там же].

В первой половине 2000-х историки продолжили исследование вопросов организации культурно-массовой работы среди японских военнопленных и их творчества в лагерях, располагавшихся в сибирском и дальневосточном регионах.

Е. Ю. Бондаренко в своей монографии, изданной в 2002 году [3], привела (в разделе «Идеологическая обработка военнопленных в лагерях») отдельные сведения о культурно-массовой работе среди японцев, размещенных в дальневосточном регионе страны. Автор характеризует только «официальные формы» культурно-массовой работы.

В монографии М. Н. Спиридонова, опубликованной в 2003 году, вопрос о культурно-массовой работе в лагерях японских военнопленных, размещенных в Красноярском крае, выделен в отдельный, хотя и небольшой раздел [37, с. 153-158]. Кроме того, автор говорит о культурно-массовых мероприятиях и в разделе о «перевоспитании» японских военнопленных, отнеся художественную самодеятельность, спортивную работу, а также просмотр кинофильмов к формам идеологической работы, проводимой в лагерях края [Там же, с. 140-141].

Говоря о «кинопропаганде», М. Н. Спиридонов сообщает, что кинофильмы демонстрировались регулярно – 2-3 раза в месяц; перед показом фильма выступал политработник с объяснением содержания картины. Просмотр фильмов, делает вывод историк, был «весьма востребован военнопленными и оставлял у них яркое впечатление» [Там же, с. 157]. Не всегда японские пленные соглашались с тем, что видели на экране. Так, историк привел воспоминания местного жителя, присутствовавшего на демонстрации фильма «Волочаевские дни». По словам ветерана, по окончании просмотра данного фильма «о том, как лихо громили наши партизаны японцев в гражданскую войну», японцы «без злобы и обиды, разоружающе, убежденно говорили нам: мы так не воевали» [Там же].

Отметим также, что М. Н. Спиридонов – один из немногих авторов, кто отметил, что в издаваемой для японских военнопленных газете «Ниппон Симбун» публиковались, помимо материалов политического характера, повести и рассказы, стихи, статьи на бытовые темы. Но при этом, подчеркнул автор, «они, так или иначе, имели идеологическое наполнение» [Там же, с. 148-149].

В 2000-е годы начала изучать вопросы пребывания военнопленных Второй мировой войны в западносибирском регионе, в том числе организацию культурно-массовой работы в лагерях, новосибирский историк Н. М. Маркдорф. В центре ее внимания были бывшие военнослужащие немецкой армии. Но отдельные факты и сведения о культурно-массовой работе среди японских военнопленных в ее работах встречаются [30; 32]. Представляет интерес ее статья «О культурно-просветительской работе среди военнопленных и интернированных в Западной Сибири (1945-1955 гг.)» [33]. Но, к сожалению, японские военнопленные в статье упоминаются лишь однажды [Там же, с. 280].

Накануне и во время репатриации советские власти расширили ассортимент продуктов питания и товаров, которые военнопленные могли приобрести в лагерных магазинах и, таким образом, потратить заработанные советские деньги (которые вывозить было запрещено). Н. М. Маркдорф отмечала, что среди товаров, которые покупали пленные, были и аккордеоны [31, с. 169].

К «региональной» историографии проблемы примыкают исследования, авторы которых освещали культурно-массовую работу среди японских пленных, трудившихся на строительстве Байкало-Амурской магистрали. Этот производственный объект являлся тогда самым значительным в восточной части СССР по целому ряду позиций, в том числе по числу задействованных в его сооружении японских военнопленных (уже 8 сентября 1945 г. НКВД запланировал создать непосредственно на строительстве Байкало-Амурской магистрали шесть лагерей военнопленных японцев с численностью 180 тыс. чел. [11, с. 101]). Данный срез историографии представлен фрагментами диссертации и монографии С. И. Кузнецова [24; 25], а также фрагментами статей О. П. Еланцевой [10] и С. А. Калугиной [13].

Региональный срез историографии дал ценный материал в плане выводов о выявленных унифицированных характеристиках, формах и методах организации культурно-массовой работы среди японских военнопленных в разных регионах СССР (см. также: [34-36]). В то же время «регионализация» изучения проблемы позволила увидеть специфические моменты в деятельности политотделов и лагерной администрации при решении задачи углубления культурно-массовой работы в местном преломлении.

Другим важным срезом историографии являются факты и выводы по интересующей нас проблеме, содержащиеся в публикациях о конкретных лагерях военнопленных на территории СССР, в которых находились японцы.

В 1997 году вышла в свет содержательная статья Л. В. Драгуновой о лагере японских военнопленных № 22, располагавшемся в городе Оха на Сахалине. Материал о различных сторонах жизни военнопленных данного лагеря, имевшего пять отделений, в том числе о культурно-массовой работе среди пленных, был опубликован впервые [8].

Л. В. Драгунова сообщила, что два раза в месяц для японцев демонстрировались фильмы, в выходные дни военнопленные пели национальные песни, играли в шашки, организовывали концерты. Автор указала, что расширению культурно-массовой работы мешало отсутствие шахмат и достаточного количества музыкальных инструментов, а также нехватка переводчиков.

О том, как помогало японцам выжить их участие в художественной самодеятельности (концертной деятельности), говорит приведенный Л. В. Драгуновой факт: члены концертной бригады в составе 15 пленных сахалинского лагеря № 22 работали на производстве лишь три дня в неделю, а остальное время репетировали, готовились к концертам [Там же, с. 363].

Л. В. Драгунова привела также уникальные сведения (не встречающиеся ни в одной из публикаций) о выпуске в лагере так называемой «световой газеты», которая «писалась тонким пером и тушью на киноплёнке и демонстрировалась перед каждым сеансом художественного фильма». Этот кропотливый труд, как отметила автор статьи, всегда имел успех [Там же].

В 2010 году вышла в свет еще одна статья Л. В. Драгуновой о лагере японских военнопленных № 22 [9]. Но в этой работе мы видим те же факты и сведения, которые были в ее публикации 1997 года.

Иркутский историк А. В. Шалак опубликовал в 2012 году статью о пребывании японских военнопленных в крупном сибирском лагере № 34 (на 01.05.1946 в лагере находилось 14 107 японских пленных [40, с. 246]), расположенном в Красноярском крае. Историк относительно подробно пишет об организации «агитационно-пропагандистской работы» в лагере, об обеспеченности кадрами пропагандистов и организаторов, необходимой литературой (в том числе на японском языке), шахматами, шашками и т.д. По оценке автора, «очень эффективное воздействие на японцев производил просмотр советских кинофильмов» [Там же, с. 250]. Отмечает А. В. Шалак и организацию в лагере художественной самодеятельности, а также спортивной работы среди японцев.

Интересные сведения о культурно-массовой работе среди японских военнопленных лагеря № 13 (г. Артем) обнаружил в дальневосточном архиве исследователь из г. Уссурийска Е. Н. Улыбин. В статье, опубликованной в 2015 году, он сообщил, что по указанию политотдела управления по делам военнопленных и интернированных Приморского края «при управлении лагеря в 1947 г. был создан краевой театральный ансамбль с группой артистов, набираемой из пленных», который пользовался большой популярностью [39, с. 44]. Е. Н. Улыбин также осветил вопрос о демонстрации пленным советских кинокартин, их репертуаре, привел другие факты и сведения, имеющие отношение к культурно-воспитательной работе в лагере.

Несомненный интерес представляют научные статьи, посвященные так называемому «генеральскому» лагерю № 48, располагавшемуся в селе Чернцы Лежневского района Ивановской области. Авторы работ [19; 41] освещают повседневную жизнь в данном лагере высокопоставленных военнопленных – генералов и старших офицеров, в том числе японской армии (в лагере содержались 36 осужденных японских военнопленных: 24 генерала, 10 офицеров и 2 рядовых [6, с. 25]).

Т. В. Корниенко, О. В. Талтынов и Е. В. Ширяева указали, что хотя среди генералов и старших офицеров ежедневно проводилась двухчасовая «политпросветработа» [19, с. 59; 41, с. 139], условия для культурного досуга пленных здесь принципиально отличались от других лагерей. Рассказывая о лагере, авторы отметили: «... другие комнаты столовой служили (военнопленным. – С. С.) чем-то вроде клуба: в гостиной стоял рояль, бильярд. Рядом располагалась библиотека, оставшаяся со времен санатория. Она постоянно пополнялась книгами. Были налажены связи с отделом культуры Ивановского горисполкома с целью использования фондов городских библиотек и даже библиотеки им. В. И. Ленина в Москве» [19, с. 60]. Военнопленным, как указала Е. В. Ширяева, «была предоставлена возможность... самостоятельной организации досуга» [41, с. 135]. С. В. Точенов подчеркнул, что у японских военнопленных лагеря № 48 были хорошие условия для занятий спортом [38, с. 457].

А. Л. Кузьминых в одной из своих публикаций сообщил, что «перед отъездом на родину для группы высокопоставленных японских генералов и чиновников была организована экскурсия по Москве» [29, с. 28].

В первой половине и середине 2000-х годов в историографии темы «Японские военнопленные в СССР» стало набирать силу направление, связанное с подготовкой обобщающих трудов, посвященных историческим и правовым аспектам советского плена японцев. В этих трудах в той или иной степени затрагивался вопрос о культурно-массовой работе среди японских военнопленных в лагерях СССР.

Важным событием стал выход в свет монографии известного историка-японоведа Е. Л. Катасоновой [16; 17]. Культурно-массовая работа среди японских военнопленных в этих трудах тесно увязана с политической работой. Автор подчеркивает, что культурно-просветительская и спортивная работа в лагерях для японцев была развита «наряду с организацией политической работы и в *поддержку ей* (выделено нами. – С. С.)» [17, с. 91].

В 2006 году вышла в свет монография иркутянина С. В. Карасева «Вопросы идеологической работы в ходе советско-японской войны 1945 года», в которой, вопреки названию, один из разделов посвящен идеологической работе с японскими военнопленными на территории СССР [14, с. 75-93].

О творчестве японских военнопленных в лагерных условиях С. В. Карасев говорит, раскрывая вопрос о письмах, которые они писали в адрес «вождей Советского Союза» в период массовой репатриации. «Письма, – отмечает историк, – оформлялись самыми лучшими мастерами живописи, резьбы по дереву, художественной вышивке» [Там же, с. 78]. С. В. Карасев приводит описание одного из писем военнопленных, обращенных к Сталину: «Вышит (текст. – С. С.) на шелковом полотне длиной 26 метров и имел 14 000 иероглифов. Постаментом для этого письма являлась скульптурная группа знаменосцев, исполненная резьбой по дереву» [Там же]. «Письмо подписали 66 434 японских военнопленных. Вместе с этим письмом был передан портрет И. В. Сталина, исполненный резьбой по дереву, портреты Мао Цзедун и Токуда, японская этикетка для книг и другие предметы», – отметил историк [Там же].

Продолжал исследовать проблемы, связанные с пребыванием японских военнопленных в СССР, С. И. Кузнецов. В 2011 и 2014 годах вышли в свет его статьи «Сибирь глазами японских военнопленных (1945-1956 гг.)» [23] и «Мемуары бывших японских военнопленных о повседневной жизни в России 40-х гг. XX в.» [20]. В них приведены воспоминания японцев о разных сторонах их жизни в плену, в том числе о проводимой в лагерях культурно-массовой работе и лагерном творчестве пленных. Мы видим, что С. И. Кузнецов продолжает изучать страницы лагерного творчества известных японских художников, музыкантов, деятелей культуры, которые в молодые годы оказались в советском плену. Этот материал также содержится в статьях.

Историк отметил, что для большинства пленных японцев, находившихся в лагерях СССР, был характерен искренний интерес к советским людям, их истории, литературе, искусству. Он опубликовал характерные высказывания ряда бывших военнопленных. Так, Фудзита Ясуо рассказывал: «Из есенинских стихов (о С. Есенине он впервые услышал в 1945 г. от лагерного конвоира [23, с. 301]) мне больше всего нравились те, что были наполнены светом и озарены будущим. Я чувствовал утешение в печали его мыслей, был молод и верил в будущее, поэтому моя душа откликнулась на его стихи» [Там же]. Такэда Сиро сообщал: «У меня хорошее впечатление о русских из-за их теплоты и сердечности» [20, с. 14]; «Я не могу забыть русскую музыку, которую я узнал, когда был в Сибири. Чайковский и Рахманинов – мои любимые композиторы. Что касается русских народных песен, я иногда люблю спеть отрывки таких песен, как “На озере Байкал”, “Катюша”, “Подмосковные вечера”» [23, с. 305].

В 2016 году сотрудник Института российской истории РАН С. П. Ким защитил кандидатскую диссертацию по теме «Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945-1956 гг.)» [18], в которой отчасти затронул интересующие нас вопросы. Но данные из донесений о работе среди японских военнопленных в Забайкальско-Амурском военном округе (о проведенных за первые 4 месяца 1947 г. 27 киносеансах и 64 концертах художественной самодеятельности) приведены историком лишь как иллюстрация результатов политической работы [Там же, с. 163].

Историк привел также сведения об открытии библиотек, оборудовании клубов, но при этом пояснил, что сделано это было «для того, чтобы ускорить подготовку “демократического актива”» [Там же].

Особое место в историографии занимает монография Э.-Б. Гучиновой, опубликованная в 2016 году [7] (Э.-Б. Гучинова впервые в отечественной историографии для анализа вопросов, связанных с пребыванием японских военнопленных в сибирских и дальневосточных лагерях, использовала изобразительный метатекст, дополненный материалами опубликованных воспоминаний и устных интервью бывших пленных, собранных ею в Японии во время командировок). В монографии раскрываются и особенности культурно-массовой работы среди японских военнопленных. Автор анализирует работу культурно-воспитательных частей лагерей, упоминает о привилегиях, которые получали «артисты», «художники» и другие активные участники «культурной работы». Главными привилегиями этих активистов были освобождение от тяжелых физических работ, дополнительный паек и возможность оказаться в числе первых при определении очередности репатриации (наряду с активистами политико-пропагандистской работы). В то же время, как отметила Э.-Б. Гучинова, «в лагерных условиях у тех, кто умел петь и танцевать, было немного возможностей для самовыражения, а слушать земляков было существенно приятнее, чем политинформацию» [Там же].

Важный материал о культурно-массовой работе среди военнопленных, в том числе японских, содержится в трудах А. Л. Кузьминых [26; 28]. В монографии, изданной в 2016 году, он указал, что по аналогии с лагерями ГУЛАГа культурно-массовая работа среди военнопленных организовывалась на основе самодеятельности спецконтингента [26, с. 341].

Историк отметил, что наряду с официальной культурно-массовой работой в лагерях существовали и неофициальные формы лагерного творчества: организация собственной библиотеки; изучение иностранных языков и самообразование в составе небольших групп (кружков) [Там же, с. 341-342]. Лагерная администрация вначале, по оценке А. Л. Кузьминых, противодействовала неформальной самодеятельности. Но со временем, указал он, подобные формы досуга нашли поддержку со стороны лагерных властей, приобрели статус «официальных» [Там же, с. 342]. Предприимчивым пленным не только удавалось увлечь товарищей, но и хватало «дипломатических» способностей, чтобы получить одобрение и даже поддержку своего творчества со стороны лагерного руководства. И хотя репетировать, петь и т.д. приходилось после тяжелого трудового дня, пленные шли на это.

А. Л. Кузьминых отметил: «... в целом культурно-массовая работа заполняла досуг военнопленных и удовлетворяла их духовные запросы. Кроме того, она выполняла политическую функцию, способствуя их идеологическому перевоспитанию. Установка на проведение культмассовой работы шла “сверху”, из центрального аппарата НКВД-МВД. Именно этим обстоятельством предопределялись показательность и парадность культработы, контрастировавшие с тяжелыми условиями лагерной действительности» [Там же, с. 345].

А. Л. Кузьминых пришел к выводу, что ни тоталитарный, ни гуманистический подход не способны отразить всю сложность и противоречивость того явления, которым являлся советский военный плен. Он впервые в историографии при изучении вопросов советского военного плена, в том числе культурно-массовой работы среди военнопленных, использовал комплексный подход, ориентированный на построение междисциплинарной картины объекта посредством синтеза нескольких разных предметов изучения относительно одного и того же объекта.

Таким образом, анализ публикаций по рассматриваемой теме позволяет сформулировать следующие **выводы**:

- культурно-массовая работа, развернутая в лагерях японских военнопленных, была организована советскими властями наряду с политической работой и во многом в поддержку ей; культурно-массовая работа организовывалась на основе самодеятельности контингента по аналогии с лагерями ГУЛАГа;
- культурно-массовая работа в лагерях делилась на официальную, проводимую политработниками и администрацией, и неофициальные формы лагерного творчества военнопленных;
- центром организации культурно-массовой работы среди японских военнопленных являлись лагерные клубы, в которых реализовывались разнообразные формы проведения досуга пленных (настольные игры,

репетиции хоровых, музыкальных коллективов, театральных кружков и др.), а также официальные культурно-просветительские мероприятия (просмотр советских кинофильмов, выступлений концертных бригад японцев и их театральных постановок);

- важную роль в культурно-массовой работе играли организованные в лагерях библиотеки, располагавшие фондами книг, брошюр, журналов, газет, в том числе отчасти на японском языке;
- активные участники культурно-массовой работы имели привилегии, главными из которых являлись освобождение от тяжелых физических работ, дополнительный паек и возможность оказаться в числе первых при определении очередности репатриации;
- творческая деятельность, занятие ремеслом, спортом помогали пленным выжить в экстремальных условиях плена;
- лагерное творчество являлось средством сохранения японскими военнопленными национальной идентичности, а также способом передачи своей культуры окружающим;
- некоторые японцы – участники лагерного духовного творчества – спустя годы после репатриации стали известными художниками, писателями, учеными; их судьба является предметом изучения отдельных отечественных историков.

Вместе с тем процесс изучения рассматриваемой темы имеет заметные недостатки следующего содержания:

- пока отсутствуют монографические труды о культурно-массовой работе среди японских военнопленных в СССР и их лагерном творчестве; более того, по данной теме нет ни одной научной статьи, которая бы освещала проблему в масштабах страны или на региональном уровне;
- в публикациях многих историков культурно-массовая работа среди японских военнопленных рассматривается лишь как придаток к работе по идеологическому перевоспитанию бывших военнослужащих японской армии, в то время как существует необходимость в создании специальных исследований по их культурному развитию в местах изоляции;
- анализируемая проблема остается практически не изученной в отношении удаленных лагерных отделений в лесных и таежных зонах, где контроль со стороны администрации по объективным причинам не мог быть тотальным, и поэтому лагерное творчество здесь имело свои особенности;
- пока не издан сборник документов, отражающий культурно-массовую работу среди японских военнопленных в СССР и их лагерное творчество.

Работа в данных направлениях будет способствовать дальнейшему развитию рассматриваемой темы.

Список источников

1. **Базаров О. Д.** Идеологическая обработка японских военнопленных в Бурятии // Россия и Восток: взгляд из Сибири: материалы и тезисы докладов к XI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 13-16 мая 1998 г.): в 2-х т. Иркутск: Изд-во Иркутск. ун-та, 1998. Т. 1. С. 157-161.
2. **Базаров О. Д.** «Сибирское интернирование»: японские военнопленные в Бурятии (1945-1948 гг.). Улан-Удэ: ВСГАКИ, 1997. 93 с.
3. **Бондаренко Е. Ю.** Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914-1956 гг.). Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. 228 с.
4. **Галицкий В. П.** Архивы о лагерях японских военнопленных в СССР // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 6. С. 115-123.
5. **Галицкий В. П.** Судьба японских военнопленных и интернированных в Советском Союзе: 1945-1956 гг. // Феномен военнопленных как фактор межгосударственных отношений: сб. материалов конф., посвящ. судьбам японских военнопленных и интернированных в Советском Союзе, 1945-1956. Красногорск: Латник, 2009. С. 15-39.
6. **Галицкий В. П.** Японские военнопленные и интернированные в СССР // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 18-33.
7. **Гучинова Э.-Б.** Рисовать лагерь. Язык травмы и памяти японских военнопленных о СССР [Электронный ресурс]. URL: <http://src-home.slav.hokudai.ac.jp/kaken/Guchinova2016> (дата обращения: 31.10.2016).
8. **Драгунова Л. В.** Лагерь военнопленных // Исторические чтения: труды Государственного архива Сахалинской области. 1997. № 2. Южный Сахалин и Курильские острова в 1945-1947 гг. С. 354-367.
9. **Драгунова Л. В.** На седьмом озере. История лагеря для военнопленных японцев // Родина. 2010. № 9. С. 37-39.
10. **Еланцева О. П.** Политическая работа среди японских военнопленных на строительстве Байкало-Амурской магистрали // Известия Владивостокского института международных отношений стран АТР Дальневосточного университета. 1997. № 1. С. 101-107.
11. **Еланцева О. П.** Японские военнопленные на строительстве БАМа: обустройство и организация трудового использования // Вторая мировая война: предыстория, события, уроки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию Великой Победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом (11-12 сентября 2015 г.): в 2-х ч. Чита: ЗабГУ, 2015. Ч. 2. С. 100-104.
12. **Исаков К., Галицкий В., Кириченко А.** Обретут ли покой усопшие? // Новое время. 1990. № 41. С. 37-39.
13. **Калугина С. А.** Идеологическая работа политорганов НКВД/МВД СССР среди японских военнопленных и интернированных на строительстве Байкало-Амурской магистрали (1945-1948 гг.) // Основные тенденции государственного и общественного развития России: история и современность / под ред. проф. Н. Т. Кудиновой. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2010. Вып. 4. С. 93-106.
14. **Карасев С. В.** Вопросы идеологической работы в ходе советско-японской войны 1945 года. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2006. 96 с.
15. **Карнер С.** Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе: 1941-1956 / пер. с нем. О. Асписовой. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. 303 с.
16. **Катасонова Е. Л.** Последние пленники Второй мировой войны: малоизвестные страницы российско-японских отношений. М.: Ин-т востоковедения, 2005. 253 с.

17. **Катасонова Е. Л.** Японские военнопленные в СССР: большая игра великих держав. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2003. 432 с.
18. **Ким С. П.** Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945-1956 гг.): дисс. ... к.и.н. М., 2016. 291 с.
19. **Корниенко Т. В., Талтынов О. В., Ширяева Е. В.** Повседневная жизнь японских военнопленных в лагере № 48 // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 3. С. 56-63.
20. **Кузнецов С. И.** Мемуары бывших японских военнопленных о повседневной жизни в России 40-х гг. XX в. // Повседневность на Востоке и Западе: взгляд из Сибири: материалы Всерос. науч. конф. (г. Иркутск, 16 мая 2014 г.). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. С. 7-22.
21. **Кузнецов С. И.** Политика Советского государства в отношении японских военнопленных советско-японской войны 1945 г. // Сибирская ссылка / отв. ред. А. А. Иванов, С. И. Кузнецов, Б. С. Шостакович. Иркутск: Оттиск, 2011. Вып. 6 (18). С. 580-591.
22. **Кузнецов С. И.** Проблема военнопленных в российско-японских отношениях после Второй мировой войны. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1994. 190 с.
23. **Кузнецов С. И.** Сибирь глазами японских военнопленных (1945-1956 гг.) // Книга дружбы. 45 лет дружественных связей Иркутской области и Японии / ред.-сост. В. Ф. Невзоров. Иркутск: Иркутское областное Общество дружбы «Байкал – Япония», 2011. С. 299-309.
24. **Кузнецов С. И.** Японские военнопленные в СССР после Второй мировой войны (1945-1956 гг.): дисс. ... д.и.н. Иркутск, 1994. 346 с.
25. **Кузнецов С. И.** Японцы в сибирском плену (1945-1956 гг.). Иркутск: Изд-во журнала «Сибирь», 1997. 261 с.
26. **Кузьминых А. Л.** Военный плен и интернирование в СССР (1939-1956 годы). Вологда: Древности Севера, 2016. 527 с.
27. **Кузьминых А. Л.** Органы и учреждения военного плена и интернирования Второй мировой войны в СССР (1939-1956 гг.). Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2013. 180 с.
28. **Кузьминых А. Л.** Система военного плена и интернирования в СССР: генезис, функционирование, лагерный опыт (1939-1956 гг.): дисс. ... д.и.н. Архангельск, 2014. 579 с.
29. **Кузьминых А. Л.** Содержание осужденных военнопленных и интернированных граждан в учреждениях МВД СССР (1950-1956 годы) // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 1914. № 2. С. 23-29.
30. **Маркдорф Н. М.** Военнопленные и интернированные Второй мировой войны в Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. 300 с.
31. **Маркдорф Н. М.** Возвращение иностранных военнопленных из лагерей МВД Западной Сибири на родину: общесоюзные и региональные аспекты (1945 – 1950-е годы) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2009. Т. 11. № 2. С. 163-170.
32. **Маркдорф Н. М.** Иностранные военнопленные, интернированные, власовцы, белоэмигранты в Западной Сибири: 1942-1956 гг. М.: Институт энергии знаний, 2011. 233 с.
33. **Маркдорф Н. М.** О культурно-просветительской работе среди военнопленных и интернированных в Западной Сибири (1945-1955 гг.) // Питання німецької історії / відп. ред. С. Й. Бобилева. Дніпропетровськ: Видавництво ДНУ, 2011. С. 278-290.
34. **Серебренников С. В.** Отечественная историография пребывания японских военнопленных на территории Алтайского края в 1945-1948 гг. // Научный диалог. 2016. № 12. С. 320-335.
35. **Серебренников С. В.** Отечественная историография пребывания японских военнопленных на территории Хакасии в 1945-1947 гг. // Научный диалог. 2017. № 6. С. 236-256.
36. **Серебренников С. В.** Японские военнопленные в Бурят-Монгольской АССР (1945-1948 гг.): обзор отечественной историографии // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 2. Ч. 2. С. 110-123.
37. **Спиридонов М. Н.** Японские военнопленные в Красноярском крае (1945-1948 гг.): проблемы размещения, содержания и трудового использования. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2003. 276 с.
38. **Точенов С. В.** Лагеря для военнопленных на территории Ивановской области (конец 1930-х – середина 1950-х годов) // Государство, общество, церковь в истории России XX-XXI веков: материалы XVI Международ. науч. конф.: в 2-х ч. Иваново: Ивановск. гос. ун-т, 2017. Ч. 2. С. 453-459.
39. **Улыбин Е. Н.** Пропагандистская деятельность органов НКВД-МГБ среди японских военнопленных в 1945-1956 гг. (на примере Приморского края) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2015. № 10. С. 42-46.
40. **Шалак А. В.** Японские военнопленные лагеря № 34 на территории Красноярского края (1945-1948 гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник – 2012: сборник статей. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2012. С. 246-255.
41. **Ширяева Е. В.** Японские военнопленные в лагере № 48 НКВД // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 4. С. 131-140.

CULTURAL AND MASS WORK AMONG THE JAPANESE PRISONERS OF WAR AND THEIR CREATIVE ACTIVITY IN THE USSR PRISON CAMPS (DOMESTIC HISTORIOGRAPHY)

Serebrennikov Sergei Vladimirovich, Ph. D. in History
Kemerovo
Serebrennikov_S@list.ru

The article for the first time examines domestic historiography of cultural and mass work among the Japanese prisoners of war and their creative activity in the NKVD-MIA camps. The author analyses the domestic publications of the turn of the XX-XXI centuries describing the forms, trends, peculiarities and outcomes of cultural and mass work among Kwantung army prisoners and their creative activity during their stay in the Soviet Union. The historiographical analysis of the problem has allowed the author to identify the achievements and shortcomings of previous studies, to outline prospects for further research.

Key words and phrases: Kwantung army; Japanese prisoners of war; NKVD-MIA camps; General Directorate for Prisoners of War and Interned Civilians; cultural and mass work; political work; leisure of prisoners of war; camp creativity; publications; historiography.